

А. А. Сорокин (Донецк)

УДК 82.0

СВОЕОБРАЗИЕ ТИПОВ ГЕРОЕВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ РОМАНОВ И ПОВЕСТЕЙ А. А. ЗИНОВЬЕВА

Реферат. В статье рассматриваются типы героев, изображённых А. А. Зиновьевым в его социологических романах и повестях. Разнообразие типов объясняется социальными законами, во взаимодействии с которыми сталкиваются в едином целом личное и общественное начала персонажей, что позволяет проявиться и автору в его позиции.

Ключевые слова: автор, социологический роман, типы героев.

Социологический роман (повесть) А. А. Зиновьева – новый жанр современной русской литературы. Как новообразование, специфика данного жанра имеет много характерологических особенностей. Одной из таковых является изображение героя социологического произведения.

Зиновьевские герои разнообразны. Первую группу из них составляют типичные объекты сатиры. Но таковыми ряд изображаемых персонажей является постольку, поскольку соотносится с социальными законами, прежде всего, своего времени. И постольку, поскольку сатира А. А. Зиновьева “обнажала социальную сущность описываемых явлений, которая сама по себе была такой, что её правдивый образ выглядел как разоблачение” [1, с. 185]. Среди них Сусликов, Маоцзедунька, правитель Ибанска Заибан, Отрабы (“ответственные работники”) и другие.

Парадокс существования данных героев состоит в том, что, по своей роли обязанные служить своему народу, то есть тому социуму, который определяет социальные законы развития страны, эти персонажи служат только собственным интересам. Интересы же эти зачастую являются составляющими разрушения, изменения социальных законов во времени. Считая, что созидают для себя, а значит, и для всех, эти герои не видят, что на самом деле разрушают или приходят к разрушению собственного “Я” как части системы социума вообще, вне зависимости от того, Ибанск перед нами, Вождянский или Партград. Так, например, несмотря на то, что в романе «Искушение» Евдокию Ёлкину (Маоцзедуньку) убивают, путь деградации, который она прошла за свою саморазрушающую жизнь, закономерно привёл её к такому финалу. Апогеем её судьбы становятся поворотные события в стране, связанные с перестройкой. “По законам борьбы за власть с ней произошло то, что произошло в Москве с Ельциным, которому не удалось стать первым, а именно – она ударилась в ту самую крайность, в какую ударился Ельцин в Москве. Она стала шлаться по магазинам и призывать стоявших в очередях граждан взять дело перестройки в свои руки. Её популярность стала расти не по дням, а по часам. Она вкусила яда славы. В ней пробудилась страсть к власти более высокого качества, чем та, какую она имела, – к власти повелителя и, вместе с тем, избранника народа”. При этом, на данный момент, Ёлкина остаётся, по своей человеческой природе, “жирной, обнаглевшей от дурости свиньёй” [2, с. 364]. Здесь необходимо оговориться: Маоцзедунька набирает обороты популярности не среди народа, но среди партии “демократов”, вчерашних функционеров одной, общей, коммунистической партии, а также благодаря газетной шумихе, поднятой вокруг её имени. Всё вокруг заверчено не в связи с проблемами, принимающими глобальный характер по причине бедствий народа в годы перестройки, сколько в связи перипетиями перестановок во власти Партграда, когда больше волнует созвучие фамилии Ёлкиной с фамилией Ельцин, чем судьба обнищавших инвалидов и стариков.

Второй тип героев произведений А. А. Зиновьева – герои, подчиняющие свои жизни социальным законам того социума, к которому они принадлежат. Это асс (“агент Советско-

го Союза”) и гомосос, наблюдающий в Пансионере за границей перипетии складывающихся судеб – своей и пансионеров (роман «Гомо советикус»). Это и явленные в огромном количестве герои с функциональными именами – Стукач, Стерва, Пенсионер, Социолог. И герои с именами: Костя, Эдик, Степан и Витя из романа «Затея» [3, с. 555], Белов и Чернов из романа «Искушение» [2, с. 185–494], Лаптев из романа «Иди на Голгофу» [4, с. 5–216] и уже указываемого выше произведения «Искушение» [2, с. 185–494] и другие.

Данные герои являются порождением социального устройства государства, когда “такие средства управления поведением масс людей, как власть коллектива над индивидом, государственная идеология, принудительный труд и другие, являются в наше время гораздо более эффективными, чем призрачные и лицемерные средства морали” [5, с. 235]. При внедрении в жизнь общества таких средств управления вполне закономерно прорастает аморальный принцип “гомососов”. Он заключается, например, в одном из таких постулатов: “обманывать безнравственно, и мы в своих доносах на ближних пишем только правду” [5, с. 235].

Отметим, что автор не отрешивается, не дистанцируется от этого типа героев, но видит в них то естественное состояние, в котором пребывает каждый индивидум при данных условиях существования социума. Сам же автор преодолевает “главную константу русской истории”, “власть”, как “путь к самореализации” [6, с. 55].

Человек советской эпохи, в период её разложения, вбирает в себя элементы деградации и аморальности: “Гомососы рождаются, воспитываются и живут в таких условиях, что их в такой же мере нелепо обвинять в безнравственности или приписывать им нравственные добродетели, в какой нелепо рассматривать с моральной точки зрения поведение орд Чингисхана, древних египтян, инков и других аналогичных феноменов прошлого” [5, с. 234]. В силу этого автор не отделяет себя от людей своей страны. Более того – наделяет отдельных героев своими биографическими чертами. Таков главный герой романа «Гомо советикус», Немец из повести «Пара беллум», отдельные герои романа «Затеи» и повести «Нашей юности полёт». А в предисловии «От автора» в произведении

«Русский эксперимент» писатель так акцентирует внимание на героях социологического романа: “Это – роман, партнёрами которого являются русский человек и коммунистический социальный строй его страны” [7, с. 3].

Третий тип героев произведений А. А. Зиновьева – центральный для автора. Им передоверяет автор свой голос, с ними спорит с помощью героев первого и второго типа. Это герои рефлектирующие, глубоко анализирующие социальные законы жизни общества. Это жертвы социальных законов и их продукт. Однако, благодаря тому, что герои эти балансируют на грани сохранения (или возрождения) в себе индивидуального, человеческого, гуманного начала, можно видеть в них не столько даже жертв времени, в которое они живут, сколько символы жертвенности, так как символы в зиновьевских текстах приобретают обобщающе-личностный характер. Именно это позволяет задуматься над трагедийностью социального бытия, особенно когда его пытаются подвести под знаменатели реформ, о которых идёт речь и в «Русском эксперименте», и в «Затее», и в дилогии «Смута». Одни идут на сведение счётов с собой, со своей жизнью так, как будто расправляются с последствиями социальных катаклизмов, в потоки которых они попадают.

Например, Чернов, герой романа «Искушение» (дилогия «Смута»), уходя в трясины, думает: “Так будь же ты трижды проклят, породивший его, но бесконечно чужой и враждебный ему мир!” [2, с. 493]. Показательным является то, что его поступок расценивается как поступок героя. Когда возникает вопрос о покончившем с собой Чернове, представитель следствия из Москвы произносит: “Сейчас не время создавать новых героев!” [2, с. 494].

Кончает счёты с действительностью и Самосожженец из романа «Затая». Он выводит формулу жертвенности “Один за всех”, которую в конце своего жизненного пути переосмысляет в формулу “Один против всех” [3, с. 307].

Писатель из романа «Русский эксперимент» идёт к Дому Советов в октябре 1993 года, “чтобы исполнить последний долг русского человека – умереть за Великую Идею, утратившую исторический смысл” [7, с. 435].

Достаточно своеобразным в этой группе типов представляется такой герой, как Иван. Как героя с определённой биографией, с метаморфозностью имени (Пророк, Апостол, Иисусик, Христосик, Ванька), мы встретим только в романе «Затяя» [3, 555 с.], вписанного в авторские впечатления от времени, когда совершался “нашей юности полёт”, то есть послевоенное студенческое становление превалирующего над другими персонажами автора-героя.

Однако сам Иван проявляется слабо, то и дело меняясь, пока совсем не исчезает в качестве героя из поля зрения автора. Тем не менее, остаются его “стишата”, названные повествователем «Евангелием от Ивана». Эти откровения, без особой принадлежности к конкретному герою, становятся знаком произведения, и не только этого, но и ряда других.

Своеобразное “евангелие” не претендует на проверку своих постулатов в каких-то оппозициях, на некую парадоксальность суждений, на главенствующую мысль. По сути, это голос из народной среды, проявляющийся в осмыслении определённых законов общественного устройства на определённом этапе существования социума, в котором Иван находится. Проявление голоса характеризуется его образной наполненностью, достаточной и самоценной, но всё-таки голос этот носит, в первую очередь, образный характер.

Помимо осмысления действительности, которое тревожит главных героев зиновьевских произведений, логически складывается их воззрение на социальные механизмы развития общества. И уже в первом зиновьевском романе, в «Зияющих высотах» [8, с. 564], умозаключения Шизофреника носят не только характер осмысления настоящего, что было бы вполне понятно, исходя из литературного процесса семидесятых годов прошлого века, когда и создавалось это произведение, но мировоззрение Шизофреника дано в развитии. Оно проецируется на перспективу, на будущее.

Размышляя над механизмами манипуляции сознанием, Шизофреник приходит к такому результату: “Одно из следствий действия социальных законов – тенденция к одноплановой ориентации сознания. Возникают своего рода силовые линии, разворачивающие мозги людей в одном и том же направлении” [8, с. 30].

Впрочем, герою не чужды и размышления о том, что есть будущее определённого социума. “Научные законы суть средства усмотреть закономерность в реальном, а не только в кажущемся хаосе событий, писал Шизофреник. В применении к социальным явлениям это ассоциируется с двумя вопросами: 1) что творится; 2) что будет. Первый сводится ко второму. Социологическая теория ... есть лишь выявление интуиции” [8, с. 33].

Шизофреник утверждает, что нет ни добрых, ни злых социальных законов. Они складываются там, где этому способствуют определённые исторические обстоятельства. Однако если общество не противопоставило социальным законам “нравственные принципы, правовые учреждения, общественное мнение, гласность, публичность, прессу, оппозиционные организации и т. п., тогда социальные законы будут определять физиономию общества и характер организаций, как бы служащих обществу” [8, с. 39–40]. Вследствие этого рождается предвидение того, что “сложится особый тип общества, в котором будет процветать лицемерие, насилие, коррупция, бесхозяйственность, обезличка, безответственность, халтура, хамство, лень, дезинформация, обман, серость, система служебных привилегий и т. п. Здесь утверждается искажённая оценка личности – превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности” [8, с. 40].

Однако механизмы, которые заработали в полную мощь к семидесятым годам прошлого века, автором в «Зияющих высотах» рассматриваются как ведущие к распаду социальных завоеваний становящегося коммунизма, как опасное явление времени.

Одним из умозаключений Шизофреника является следующее: благодаря идее коллективизма окрепло и развилось советское государство. Однако это умозаключение носит, скорее, причинный характер для указания на разрушающее следствие.

В других своих произведениях, особенно в «Русском эксперименте» и «Русской трагедии», где перед нами предстаёт уже другой герой, автор, он в большей мере останавливается на идее коллективизма как на одном из самых главных завоеваний коммунистического образа жизни.

Так, в «Русской трагедии» отмечается, что самым важным результатом революции “было образование коллективов, благодаря которым люди приобщались к публичной социальной жизни и ощутили заботу о себе общества и власти” [9].

В последнем романе А. А. Зиновьева отмечается последствие утраты этого ценного приоритета коммунистического общества: “Разрушение советских коллективов – самая глубокая болезнь нашего народа. Поразительно, что оно произошло без сопротивления и почти незаметно. Никому не пришло в голову, что это станет основой всего прочего беспредела. Человек тем самым освобождался от самого глубокого контроля – от контроля своего ближайшего окружения” [9].

Истоки разрушения идеи коллектива автор-герой усматривает в хрущёвско-брежневский период, когда “началась всесторонняя критика сталинизма во всех слоях советского общества. Эта критика постепенно переросла в критику советского коммунистического строя вообще” [9].

Наблюдая постсоветское время, автор-герой уверен, что западнизм, уничтожив коллективное начало коммунистического общества, присвоит его, это начало, себе. Но не только присвоит, а и извратит.

Автор-герой предвещает формирование экстремистских группировок из, прежде всего, молодёжной среды, а затем и его, экстремизма, всеобщее признание, навязываемое и раздуваемое демонстративно в дезинформирующих СМИ.

Таким образом, автор-герой – центральный герой произведений А. А. Зиновьева, наделённый осознанным голосом человека, осмысляющего в настоящем прошлое и будущее страны, разрушаемость которой он понимает и принимает как собственные боль и тревогу. Эти боль и тревогу он даёт разделить вместе с собой и читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьева О. М. Социологические романы // Александр Александрович Зиновьев / Под ред. А. А. Гусейнова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 160–211.
2. Зиновьев А. А. Смута. – М.: Келвори, 1995. – 496 с.
3. Зиновьев А. А. Затея. – М., 2000. – 555 с.
4. Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. Гомо советикус. Распутье. Русская трагедия. – М.: АСТ, 2011. – 893 с.

5. Зиновьев А. А. Гомо советикус. Пара беллум. – М.: Московский рабочий, 1991. – 419 с.
6. Фурсов А. И. Александр Зиновьев, русская история и современное общество // Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции. Москва, 15–16 мая 2007 года. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. – С. 55–62.
7. Зиновьев А. А. Русский эксперимент: Роман. – l'Age d'Homme – Наш дом, 1995. – 448 с.
8. Зиновьев А. А. Зияющие высоты. – Lausanne, l'Age d'Homme, 1976. – 564 с.
9. Зиновьев А. А. Русская трагедия. – http://www.aktivnoetv.ru/writer/2962/books/31361/zinovev_aleksandr_aleksandrovich/russkaya_tragediya

Сорокин О. А.

СВОЄРІДНІСТЬ ТИПІВ ГЕРОЇВ СОЦІОЛОГІЧНИХ РОМАНІВ І ПОВІСТЕЙ О. О. ЗІНОВ'ЄВА

У статті розглядаються типи героїв, зображених О. О. Зінов'євим в його соціологічних романах і повістях. Різноманітність типів пояснюється соціальними законами, у взаємодії з якими стикаються в єдиному цілому особиста і громадська першооснова персонажів, що дозволяє проявитися і автору у своїй позиції. (Філологічні дослідження, вип. 15, 2016, с. 115–122).

Ключові слова: автор, соціологічний роман, типи героїв.

Sorokin A. A.

ORIGINALITY OF THE TYPICAL CHARACTERS IN SOCIOLOGICAL NOVELS AND STORIES BY A. A. ZINOVIEV

The article highlights typical characters in sociological novels by Alexander Zinoviev. Social rules determine variety of heroes: personal and common features of their characters reveal itself in all-in-one cooperation where the voice of author is also appeared. (Philological researches, ed. 15, 2016, p. 115–122).

Keywords: author, sociological novel, typical characters.